

T $\frac{83}{6}$

ТОЛСТОЙ, А.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

КЪ ЛИБЕРАЛАМЪ

(Объ отношеніи въ государству).

Издание „ПОСРЕДНИКА“. № 1216.

2007053814

ПИСЬМО КЪ ЛИБЕРАЛАМЪ

(Объ отношеніи къ государству).

Очень радъ былъ бы вмѣстѣ съ вами и вашими товарищами, дѣятельность которыхъ знаю и цѣню, отстаивать права комитета грамотности и воевать противъ враговъ народнаго просвѣщенія; но не вижу никакихъ средствъ противодѣйствія на томъ поприщѣ, на которомъ вы работаете.

Я утѣшаю себя только тѣмъ, что занять не переставая этой же самой борьбой съ тѣми же врагами просвѣщенія, хотя и на другомъ поприщѣ.

По тому частному вопросу, который занимаетъ васъ, я думаю, что вмѣсто уничтоженнаго комитета грамотности надо бы устроить множество другихъ обществъ грамотности, съ тѣми же задачами и независимо отъ правительства, не спрашивая у него никакихъ цензурныхъ разрѣшеній и предоставляя ему, если оно захочетъ, преслѣдовать эти общества грамотности, карать за нихъ, ссылать и т. п. Если оно будетъ это дѣлать, то только придастъ этимъ особенное значеніе хорошимъ книгамъ и библіотекамъ и усилитъ движеніе къ просвѣщенію.

Мнѣ кажется, что теперь особенно важно дѣлать доброе спокойно и упорно, не только не спрашиваясь правительства, но сознательно избѣгая его участія. Сила правительства держится на невѣжествѣ народа, и оно знаетъ это и потому всегда будетъ бороться противъ просвѣщенія. Пора намъ понять это. Давать же правительству возможность, распространяя мракъ, дѣлать видъ, что оно занято просвѣщеніемъ народа, какъ это дѣлаютъ всякаго рода мнимо-просвѣтительныя учрежденія, контролируемыя имъ, — школы, гимназіи, университеты, академіи, всякаго рода комитеты и съѣзды, — бываетъ чрезвычайно вредно. Добро—добро и просвѣщеніе—просвѣщеніе только тогда, когда оно совсѣмъ добро и совсѣмъ просвѣщеніе, а не примѣнительно къ циркулярамъ министровъ. Главное же—мнѣ всегда жалко, что такія драгоцѣнныя, безкорыстныя, самоотверженныя силы

тратятся такъ непроизводительно. Иногда мнѣ просто смѣшно смотрѣть на то, какъ люди хорошіе, умные тратятъ свои силы на то, чтобы бороться съ правительствомъ на почвѣ тѣхъ законовъ, которые пишетъ по своему произволу это самое правительство.

Дѣло, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ.

Есть люди, къ которымъ мы принадлежимъ, которые знаютъ, что наше правительство очень дурно, и борются съ нимъ. Со времянь Радищева и декабристовъ способовъ борьбы употреблялся два: одинъ способъ—Стеньки Разина, Пугачева, декабристовъ, революціонеровъ шестидесятыхъ годовъ, дѣятелей 1-го марта и другихъ; другой—тотъ, который проповѣдуется и примѣняется вами,—способъ „постепеновцевъ“, состоящій въ томъ, чтобы бороться на законной почвѣ безъ насилія, отвоевывая понемногу себѣ права. Оба способа, не переставая, употребляются вотъ уже болѣе полустолѣтія на моей памяти, и положеніе становится все хуже и хуже; если положеніе и улучшается, то происходитъ это не благодаря той или другой изъ этихъ дѣятельностей, а несмотря на вредъ этихъ дѣятельностей (по другимъ причинамъ, о которыхъ я скажу послѣ), и та сила, противъ которой борются, становится все могущественнѣе, сильнѣе и наглѣе. Послѣдніе проблески самоуправленія: земство, судъ, комитеты грамотности и остальное,—все упраздняется.

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видѣть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, который всегда питаль отвращеніе къ нашему правительству, но никогда не прибѣгалъ ни къ тому, ни къ другому способу борьбы съ нимъ, недостатки этихъ обоихъ средствъ очевидны.

Первое средство не годится потому, что если бы даже и удалось измѣненіе существующаго порядка посредствомъ насилія, то ничто бы не ручалось за то, что установившійся новый порядокъ былъ бы проченъ и что враги этого новаго порядка не восторжествовали бы при удачныхъ условіяхъ и при помощи того же насилія, какъ это много разъ бывало во Франціи и вездѣ, гдѣ бывали революціи. И по-

тому новый, установленный насиліемъ, порядокъ вещей долженъ былъ бы непрестанно быть поддерживаемъ тѣмъ же насиліемъ, т. е. беззаконіемъ, и вслѣдствіе этого неизбѣжно и оченъ скорѣ испортился бы такъ же, какъ и тотъ, который онъ замѣнилъ. При неудачѣ же, какъ это всегда было у насъ, всѣ насилія революціонныя, отъ Пугачева до 1-го марта, только усиливали тотъ порядокъ вещей, противъ котораго они боролись, переводя въ лагерь консерваторовъ и ретроградовъ все огромное количество нерѣшительныхъ, стоявшихъ посреднѣ и не принадлежавшихъ ни къ тому ни къ другому лагерю людей. И потому думаю, что, руководствуясь и опытомъ, и разсужденіемъ, смѣло можно сказать, что средство это, кромѣ того, что безнравственно, — неразумно и недѣйствительно.

Еще менѣе дѣйствительно и разумно, по моему мнѣнію, второе средство. Оно недѣйствительно и неразумно потому, что правительство, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть (войско, администрацію, церковь, школы, полицію) и составляя само тѣ, такъ называемые, законы, на почвѣ которыхъ либералы хотятъ бороться съ нимъ, — правительство, зная очень хорошо, что именно ему опасно, никогда не допустить людей, подчиняющихся ему и дѣйствующихъ подъ его руководствомъ, дѣлать какія бы то ни было дѣла, подрывающія его власть. Такъ, напримѣръ, хотъ бы въ данномъ случаѣ правительство, какъ у насъ (да и вездѣ), держащееся на невѣжествѣ народа, никогда не позволить истинно просвѣщать его. Оно разрѣшаетъ всякаго рода мнимо-просвѣтительныя учрежденія, контролируемая имъ, — школы, гимназіи, университеты, академіи, всякаго рода комитеты и съезды и подцензурныя изданія, до тѣхъ поръ, пока эти учрежденія и изданія служатъ его цѣлямъ, т. е. одуряютъ народъ или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ одуренію его; но при всякой попыткѣ этихъ учреждений или изданій пошатнуть то, на чемъ зиждется власть правительства, т. е. невѣжество народа, правительство преспокойно, не отдавая никому отчета, почему оно поступаетъ такъ, а не иначе, произноситъ свое „veto“, преобразовываетъ, закрываетъ заведенія или учрежденія и запрещаетъ изданія. И потому, какъ это ясно

и по разсужденію, и по опыту, такое мнимое, постепенное завоеваніе правъ есть самообманъ, очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый имъ.

Но мало того, что эта дѣятельность неразумна и не дѣйствительна,—она и вредна. Вредна этого рода дѣятельность, во-первыхъ, потому, что просвѣщенные, добрые и честные люди, вступая въ ряды правительства, придаютъ ему нравственный авторитетъ, который оно не имѣло бы безъ нихъ. Если бы все правительство состояло изъ однихъ только тѣхъ грубыхъ насильниковъ, корыстолюбцевъ и льстецовъ, которые составляютъ его ядро, оно не могло бы держаться. Только участіе въ дѣлахъ правительства просвѣщенныхъ и честныхъ людей даетъ правительству тотъ нравственный престижъ, который оно имѣетъ. Въ этомъ—одинъ вредъ дѣятельности либераловъ, участвующихъ или входящихъ въ сдѣлки съ правительствомъ. Во-вторыхъ, вредна такая дѣятельность потому, что для возможности ея проявленія эти самые просвѣщенные, честные люди, допуская компромиссы, приучаются понемногу къ мысли о томъ, что для доброй цѣли можно немножко отступать отъ правды въ словахъ и дѣлахъ. Можно, на примѣръ, не признавая существующую религію, исполнять ея обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные человѣческому достоинству, адреса, если это нужно для успѣха дѣла, можно поступать въ военную службу, можно участвовать въ земствѣ, не имѣющемъ никакихъ правъ, можно служить учителемъ, профессоромъ, преподавая не-то, что самъ считаешь нужнымъ, а то, что предписано правительствомъ, даже—земскимъ начальникомъ, подчиняясь противнымъ совѣсти требованіямъ и распоряженіямъ правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о томъ, что нужно сказать, и печатая то, что велятъ; дѣлая же эти компромиссы, предѣловъ которыхъ никакъ нельзя предвидѣть, просвѣщенные и честные люди, которые одни могли бы составлять какую нибудь преграду правительству въ его посягательствахъ на свободу людей, незамѣтно отступая все дальше и дальше отъ требованій своей совѣсти, не успѣютъ оглянуться, какъ уже попадаютъ въ положеніе полной зависимости отъ прави-

тельства: получаютъ отъ него жалованье, награды и, продолжая воображать, что они проводятъ либеральныя идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самаго строя, противъ котораго они выступили.

Правда, есть и лучшіе, искренніе люди этого лагеря, которые не поддаются на заманиванія правительства и остаются свободными отъ подкупа, жалованья и положенія. Эти люди, большею частью запутавшись въ тѣхъ сѣтяхъ, которыми ихъ опутываетъ правительство, бьются въ этихъ сѣтяхъ, какъ вы теперь съ своими комитетами, топчась на одномъ мѣстѣ, или, раздражившись, переходятъ въ лагерь революціонеровъ, или стрѣляются, или сливаются, или, отчаявшись, бросаютъ все и, что чаще всего, удаляются въ литературу, гдѣ, подчиняясь требованіямъ цензуры, высказываютъ только то, что позволено, и, этимъ самымъ умолчаніемъ о самомъ важномъ внося самыя превратныя и желательныя для правительства мысли въ публику, продолжаютъ воображать, что они своимъ писаніемъ, дѣющимъ имъ средства къ существованію, служатъ обществу.

Такъ что и разсужденіе, и опытъ показываютъ мнѣ, что оба средства борьбы противъ правительства, употреблявшіяся до сихъ поръ и теперь употребляемая, не только не дѣйствительны, но оба содѣйствуютъ усиленію власти и произвола правительства.

Что же дѣлать? Очевидно не то, что въ продолженіе семидесяти лѣтъ оказалось бесплоднымъ и только достигло обратныхъ результатовъ. Что же дѣлать? А то самое, что дѣлаютъ тѣ, благодаря дѣятельности которыхъ случилось все то движеніе впередъ къ свѣту, къ добру, которое совершалось и совершается съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Вотъ это-то и надо дѣлать. Что же это такое?

А прѣстое, спокойное, правдивое исполненіе того, что считаешь хорошимъ и должнымъ, совершенно независимо отъ правительства, отъ того, что это нравится или не нравится ему. Или другими словами: отстаиваніе своихъ правъ, не какъ члена комитета грамотности, или гласнаго, или землевладѣльца, или купца, или даже члена парламента, а отстаиваніе своихъ правъ разумнаго и свободнаго человѣка,

и отстаиваніе ихъ не такъ, какъ отстаиваются права земствъ и комитетовъ, съ уступками и компромиссами, а безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ, какъ и не можетъ иначе отстаиваться нравственное и человѣческое достоинство.

Для того, чтобы успѣшно защищать крѣпость, нужно сжечь всё дома предмѣстья и оставить только то, что твердо и что мы ни за что не намѣрены сдать. Точно такъ же и здѣсь: надо сначала уступить все то, что мы можемъ сдать, и оставить только то, что не сдается. Только тогда утвердившись на этомъ несдаваемомъ, мы можемъ завоевать и все то, что намъ нужно. Правда, права члена парламента или хоть земства, или комитета больше, чѣмъ права простого человѣка, и, пользуясь этими правами, кажется, что можно сдѣлать очень многое; но горе въ томъ, что для приобрѣтенія правъ земства, парламента, комитета надо отказаться отъ части правъ, какъ человѣка. А отказавшись хотя отъ части правъ, какъ человѣка, нѣтъ уже никакой точки опоры, и нельзя ни завоевать, ни удержать никакого настоящаго права. Для того, чтобы вытаскивать другихъ изъ тины, надо самому стоять на твердомъ, а если для удобства вытаскиванія самому сойти въ тину, то и другихъ не вытащишь, и самъ завязнешь. Очень, можетъ быть, хорошо и полезно провести въ парламентѣ восьмичасовой день, или въ комитетѣ либеральную программу школьныхъ библиотекъ; но если для этого нужно члену парламента публично, поднимая руку, лгать, произнося присягу, лгать, выражая словами уваженіе тому, чего онъ не уважаетъ; или для насъ, для проведенія самыхъ либеральныхъ программъ, служить молебны, присягать, надѣвать мундиры, писать лживыя и льстивыя бумаги и говорить такія же рѣчи и т. п., то, дѣлая всё эти вещи, мы теряемъ, отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, гораздо больше, чѣмъ выигрываемъ, и, стремясь къ достиженію одной опредѣленной цѣли (большей частью цѣль эта и не достигается), лишаемъ себя возможности достигнуть другихъ, самыхъ важныхъ цѣлей. Вѣдь сдерживать правительство и противодѣйствовать ему могутъ только люди, въ которыхъ есть нѣчто, чего они ни за что, ни при какихъ условіяхъ не

уступать. Для того, чтобы имѣть силу противодѣйствовать, надо имѣть точку опоры. И правительство очень хорошо знает это и заботится, главное, о томъ, чтобы вытравить изъ людей то, что не уступаетъ, — человѣческое достоинство. Когда же оно вытравлено изъ нихъ, правительство спокойно дѣлаетъ то, что ему нужно, зная, что оно не встрѣтитъ уже настоящаго противодѣйствія. Человѣкъ, который согласился публично присягать, произнося недостойныя и лживыя слова присяги, или покорно въ мундирѣ дожидаться нѣсколько часовъ пріема министра, или записаться въ охрану на коронаціи, или для приличія исполнить обрядъ говѣнія, или впередъ спрашивать у начальниковъ цензуры, можно ли или нельзя ему высказать тѣ или другія мысли, и т. п., уже не страшень правительству.

Александръ II говорилъ, что либералы не страшны ему, потому что онъ знаетъ, что всѣхъ ихъ можно купить не деньгами, такъ почестями.

Вѣдь люди, участвующіе въ правительствѣ или работающіе подъ его руководствомъ, дѣлая видъ, что они борются, могутъ обманывать себя и своихъ⁵-единомышленниковъ; но тѣ, кто съ ними борются, несомнѣнно знаютъ по противодѣйствію, которое они оказываютъ, что они не тянутъ, а дѣлаютъ только видъ. И это знаетъ наше правительство по отношенію либераловъ и постоянно дѣлаетъ испытанія, насколько дѣйствительно есть настоящее противодѣйствіе, и, удостовѣрившись въ достаточномъ для своихъ цѣлей отсутствіи его, дѣлаетъ свои дѣла съ полной увѣренностью, что съ этими людьми все можно.

Правительство Александра III знало это очень хорошо и, зная это, спокойно уничтожило все то, чѣмъ такъ гордились либералы, воображая себѣ, что они все это сдѣлали; измѣнило, ограничивъ, судъ присяжныхъ; уничтожило мировой судъ; уничтожило университетскія права; измѣнило всю систему преподаванія въ гимназіяхъ; возобновило кадетскіе корпуса; даже казенную продажу вина; устансвилло земскихъ начальниковъ; узаконило розги; уничтожило почти земство; дало безконтрольную власть губернаторамъ; поощрило экзекуціи; усилило административныя ссылки и заклю-

ченія въ тюрьмы, и казни политическихъ; возло новыя гоненія за вѣру; довело одуреніе народа дикими суевѣріями до послѣдней степени; узаконило убійство на дуэляхъ; установило беззаконіе въ видѣ охраны, съ смертной казнью, какъ нормальный порядокъ вещей; и въ проведеніи всѣхъ этихъ мѣръ не встрѣчало никакого противодѣйствія, кромѣ протеста одной почтенной женщины, смѣло высказавшей правительству то, что она считала правдой. Либералы же говорили потихоньку между собой, что все это имъ не нравится, но продолжали участвовать и въ судахъ, и въ земствахъ, и въ университетахъ, и на службѣ, и въ печати. Въ печати они намекали на то, на что позволено было намекать, молчали о томъ, о чемъ было велѣно молчать; но печатали все то, что велѣно было печатать. Такъ что всякій читатель, получая либеральныя газеты и журналы, не будучи посвященъ въ то, что говорилось потихоньку въ редакціяхъ, читалъ изложеніе безъ комментаріевъ и осужденій самыхъ жестокихъ и неразумныхъ мѣръ, подобострастные и лъстивые адреса, обращенные къ виновникамъ этихъ мѣръ, и часто даже восхваленія ихъ. Такъ вся печальная дѣятельность правительства Александра III, разрушившая все то доброе, что стало входить въ жизнь при Александрѣ II, и пытавшаяся вернуть Россію къ варварству времени начала нынѣшняго столѣтія, — вся эта печальная дѣятельность висѣлицъ, розгъ, гоненій, одуренія народа сдѣлалось предметомъ безумнаго, печатавшагося во всѣхъ либеральныхъ газетахъ и журналахъ восхваленія Александра III и возведенія его въ великаго человѣка, въ образцы человѣческаго достоинства.

То же продолжается и при новомъ царствованіи. Вступившаго на мѣсто прежняго царя молодого человѣка, не имѣющаго никакого понятія о жизни, увѣрили тѣ люди, которые стоятъ у власти и которымъ это выгодно, что для управленія ста милліонами надо дѣлать то самое, что дѣлалъ его отецъ, т.-е. надо ни у кого не спрашивать, что нужно дѣлать, а дѣлать только то, что взбредетъ въ голову или что посовѣтуетъ первый изъ приближенныхъ льстецовъ. И воображивъ себѣ, что неограниченное само державіе

есть священное начало жизни русскаго народа, молодой человекъ этотъ начинаетъ свое царствованіе тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы просить представителей русскаго народа помочь ему совѣтами въ управленіи, въ которомъ онъ, воспитанный въ гвардейскихъ полкахъ, ничего не понимаетъ и не можетъ понимать, онъ дерзко, неприлично кричитъ на явившихся къ нему съ поздравленіями представителей русскаго народа, называя робко выраженное нѣкоторыми изъ нихъ желаніе доводить до свѣдѣнія власти о своихъ нуждахъ „безсмысленными мечтаніями“.

И что же? Русское общество возмутилось, просвѣщенные, честные люди—либералы высказали свое негодованіе и отвращеніе, по крайней мѣрѣ воздержались отъ восхваленія такого правительства и отъ участія въ немъ и поощренія его? Нисколько. Съ этого времени начинается особенно напряженное взапуски восхваленіе и отца и подражающаго ему сына, и не слышится ни одного протестующаго голоса, кромѣ одного анонимнаго письма, осторожно выражающее неодобреніе поступку молодого царя, и царю подносятся со всѣхъ сторонъ подлые, льстивыя адреса и почему-то всякаго рода иконы, которыя никому ни на что ненужны и служатъ только предметомъ идолопоклонства грубыхъ людей. Устраивается ужасающая по своей нелѣпости, безумной тратѣ денегъ, коронація; происходятъ отъ презрѣнія къ народу и наглости властителей страшныя бѣдствія гибели тысячей людей, на которыя виновники ея смотрятъ какъ на маленькое омраченіе торжествъ, которыя не должны отъ этого прекращаться; устраивается никому, кромѣ тѣхъ, кто устроили ее, ненужная выставка, на которую тратятся милліоны; съ неслыханной прежде наглостью выдумываются въ канцеляріи синода новыя, самыя глупыя средства одурѣнія народа,—мощи человека, про котораго никто ничего никогда не зналъ; усиливаются строгости цензуры; усиливаются гоненія за вѣру; продолжается положеніе охраны, т. е. узаконенное беззаконіе, и положеніе становится все хуже и хуже.

А я думаю, что всего этого не было бы, если бы тѣ просвѣщенные и честные люди, которые теперь заняты ли-

беральной дѣятельностью на почвѣ законности въ земствахъ, комитетахъ, подцензурной литературѣ и т. п., не направляли бы свою энергію на то, чтобы въ формахъ, учрежденныхъ самимъ правительствомъ, какъ-нибудь обмануть его и заставить дѣйствовать себѣ на вредъ и гибель*), а только на то, чтобы, ни въ какомъ случаѣ не участвуя въ правительствѣ и ни въ какихъ дѣлахъ, связанныхъ съ нимъ, отстаивать свои личныя права человѣка.

„Вамъ угодно вмѣсто мировыхъ судей учредить земскихъ начальниковъ съ розгами,—это ваше дѣло; но мы не пойдемъ ни судиться къ вашимъ земскимъ начальникамъ, ни сами не будемъ поступать въ эту должность; вамъ угодно сдѣлать судъ присяжныхъ одной формальностью,—это ваше дѣло, но мы не пойдемъ въ судьи, ни въ адвокаты, ни въ присяжные; вамъ угодно подъ видомъ охраны установить безправіе,—это ваше дѣло, но мы не будемъ участвовать въ ней и будемъ прямо называть охрану незаконіемъ и смертныя казни безъ суда—убійствомъ; вамъ угодно устроить классическія гимназіи съ военными упражненіями и закономъ Божиимъ или кадетскіе корпуса,—ваше дѣло, но мы не будемъ въ нихъ учителями, не будемъ посылать въ нихъ нашихъ дѣтей, а будемъ воспитывать ихъ такъ, какъ мы считаемъ хорошимъ; вамъ угодно свести на нѣтъ земство, — мы не будемъ участвовать въ немъ; вы запрещаете печатать то, что вамъ не нравится, — вы можете ловить, сжигать, наказывать типографщиковъ, но говорить и писать вы не можете намъ помѣшать, и мы будемъ дѣлать это; вы велите присягать на вѣрность царю; мы не будемъ дѣлать этого, потому что это глупость, ложь и подлость; вы велите служить въ военной службѣ,—мы не будемъ дѣлать этого, потому что считаемъ массовое убійство такимъ же противнымъ совѣсти поступкомъ, какъ и убійство одиночное, а главное—обѣщаніе убивать, кого прикажетъ начальникъ, — самымъ подлымъ поступкомъ, который можетъ сдѣлать человѣкъ; вы исповѣдуете религію, отставшую на тысячу

*) Иногда мнѣ просто смѣшно подумать, какъ могутъ люди заниматься такими очевидно невозможными дѣлами. точно какъ думать, что можно отрѣзать у животнаго ногу такъ, чтобы оно не замѣтило.

лѣтъ отъ вѣка. съ Иверской, мощами и коронаціями,—это ваше дѣло, но идолопоклонство и изувѣрство мы не только не признаемъ религіей, но называемъ изувѣрствомъ и идолопоклонствомъ и стараемся избавить отъ него людей“.

И что можетъ правительство противъ такой дѣятельности? Можно сослать, посадить въ тюрьму человѣка за то, что онъ готовитъ бомбу или даже печатаетъ прокламацію къ рабочимъ, и можно передать комитетъ грамотности изъ одного министерства въ другое или закрыть парламентъ; но что можетъ сдѣлать правительство съ человѣкомъ, который не хочетъ публично лгать, поднимая руку, или не хочетъ дѣтей отдавать въ заведеніе, которое онъ считаетъ дурнымъ, или не хочетъ учиться убивать людей, или не хочетъ участвовать въ идолопоклонствѣ, или не хочетъ участвовать въ коронаціяхъ, въ встрѣчахъ и адресахъ, или говорить и писать то, что думаетъ и чувствуетъ? Преслѣдуя человѣка, правительство дѣлаетъ изъ такого человѣка, возбуждающаго общее сочувствіе, мученика и подрываетъ тѣ основы, на которыхъ оно само держится, такъ какъ, поступая такъ, оно, вмѣсто того, чтобы охранять человѣческія права людей, само нарушаетъ ихъ.

И стоитъ только всѣмъ тѣмъ хорошимъ, просвѣщеннымъ и честнымъ людямъ, силы которыхъ гибнутъ теперь во вредъ себѣ и дѣлу на революціонной, социалистической и либеральной дѣятельности, начать поступать такъ, и образовалось бы сплоченное одной мыслью и однимъ чувствомъ ядро честныхъ, просвѣщенныхъ и нравственныхъ людей, и къ ядру этому тотчасъ примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса среднихъ людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряетъ правительства, — общественное мнѣніе, требующее свободы слова, свободы совѣсти, справедливости и человѣчности; какъ скоро составилось бы общественное мнѣніе, такъ не только нельзя было бы закрывать комитетъ грамотности, но сами собой уничтожились бы всѣ тѣ безчеловѣчныя учрежденія въ видѣ охраны, тайной полиціи, цензуры, Шлиссельбурга, синода, съ которыми борются теперь революціонеры и либералы.

Такъ что для борьбы съ правительствомъ пробованы были два средства, оба неудачныя, и сстается теперь испытать третье, послѣднее, которое еще не пробовано и которое, по моему мнѣнію, не можетъ не быть успѣшно. Средство это, коротко выраженное, состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ просвѣщеннымъ и честнымъ людямъ стараться быть какъ можно лучше, и даже лучше не во всѣхъ отношеніяхъ, а только въ одномъ, именно — соблюсти одну изъ своихъ элементарныхъ добродѣтелей — быть честнымъ, не лгать, а поступать и говорить такъ, чтобы мотивы, по которымъ поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилѣтнему сыну: поступать такъ, чтобы сынъ этотъ не сказалъ: „а зачѣмъ же ты, папаша, говорилъ тогда то, а теперь дѣлаешь или говоришь совсѣмъ другое?“ Средство это кажется очень слабымъ, а между тѣмъ я убѣжденъ, что только одно это средство двигало человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ. Только потому, что были такіе люди прямые, правдивые, мужественные и неуступавшіе никому въ дѣлѣ своего человѣческаго достоинства, и совершили всѣ тѣ благіе перевороты, которыми теперь пользуются люди, — отъ уничтоженія пытки, рабства до свободы слова и совѣсти. И это не можетъ быть иначе потому, что то, что требуется совѣстью, высшимъ предчувствіемъ доступной человѣку истины, есть всегда и во всѣхъ отношеніяхъ самая плодотворная и самая нужная въ данную минуту для человѣчества дѣятельность. Только человѣкъ, живущій сообразно своей совѣсти, можетъ имѣть вліяніе на людей, и только дѣятельность, сообразная съ совѣстью, можетъ быть полезна.

Но я долженъ оговориться: то, что для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремятся и революціонеры и либералы, самое дѣйствительное средство есть дѣятельность, сообразная съ своей совѣстью, не значить то, что для достиженія этихъ цѣлей можно начать жить сообразно съ своей совѣстью. Нарочно начать жить сообразно съ своей совѣстью для достиженія какихъ-либо внѣшнихъ цѣлей нельзя.

Жить сообразно съ своей совѣстью можно только вслѣдствіе твердыхъ и ясныхъ религіозныхъ убѣжденій. Когда же

есть твердыя и ясныя религіозныя убѣжденія, то благія послѣдствія отъ нихъ во внѣшней жизни придуть неизбежно. А потому сущность того, что я хотѣлъ сказать вамъ, состоитъ въ томъ, что невыгодно хорошимъ, искреннимъ людямъ тратить силы ума и души на достиженіе мелкихъ, практическихъ цѣлей, какъ разныя борьбы народности, партій, либеральныхъ вымогательствъ, когда не установлено ясное и твердое религіозное міровоззрѣніе, т.-е. сознаніе смысла своей жизни и своего назначенія. Я думаю, что всѣ силы души и разума хорошихъ людей, желающихъ служить людямъ, должны быть направлены на это. А когда это будетъ, то будетъ и все остальное.

Простите, что такъ длинно написалъ вамъ, можетъ быть, совершенно не нужное вамъ, но мнѣ давно хотѣлось высказаться по этому вопросу. Я началъ даже большую статью объ этомъ, но едва ли до смерти успѣю кончить ее, и потому хотѣлось хоть кое-какъ высказаться. Простите, если въ чемъ ошибся.

31 августа 1896 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ВЪ ИЗДАНИИ „ПОСРЕДНИКА“.

Серія произведеній, ранѣе запрещавшихся.

- Великій грѣхъ. (О земельномъ вопросѣ). Ц. 25 к.
- Въ чемъ главное дѣло для человѣка. Ц. 5 к.
- Единственное средство. Ц. 15 к.
- Земля всего народа. Ц. 10 к.
- Истинная свобода. (Какъ освободиться рабочему на-
роду). Ц. 6 к.
- Конецъ вѣка. Ц. 40 к.
- Краткое изложеніе Евангелія. Ц. 80 к.
- Какъ уничтожить войну. Ц. 12 к.
- Не могу молчать! Ц. 15 к.
- Не убей никого. Ц. 20 к.
- Объ измѣненіи существующаго строя. Ц. 6 к.
- О земельной собственности. Ц. 5 к.
- О войнѣ. Ц. 5 к.
- О насиліи. (О непротивленіи злу зломъ). Ц. 12 к.
- Освобожденіе земли. Ц. 5 к.
- Отвѣтъ Синоду Ц. 10 к.
- О значеніи русской революціи. Ц. 35 к.
- Рабство нашего времени. Ц. 50 к.
- Христіанство и смертная казнь. Ц. 12 к.

Всѣ изданія „ПОСРЕДНИКА“ продаются: 1) въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“: Москва, Петровскія линіи, 2) въ отдѣленіи склада „Посредникъ“: Петроградъ, Невскій, 84, кв. 89 во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ. Выписывать изъ главнаго склада издательства „Посредникъ“: Москва, Арбатъ 36. И. И. Горбунову.

Цѣна 15 коп.

2007053814